

На правах рукописи

ДАНИЛОВ
Игорь Алексеевич

**Имянаречение немецкой протестантской знати
в XVI–XVII вв.**

Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история (средние века)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2020

Работа выполнена на кафедре истории Средних веков Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель: **Прокопьев Андрей Юрьевич**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Ивонин Юрий Евгеньевич**
доктор исторических наук, профессор
кафедры всеобщей истории и международных отношений Факультета истории и права Смоленского государственного университета

Лазарева Арина Владимировна
кандидат исторических наук, доцент
кафедры новой и новейшей истории
Исторического факультета МГУ им.
М.В. Ломоносова

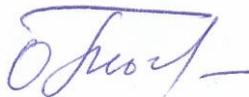
Ведущая организация: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Защита диссертации состоится «__» _____ 2021 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 002.249.01, созданного на базе Института всеобщей истории РАН, по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а (ауд. 1406).

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института всеобщей истории РАН, а также на сайте <http://www.igh.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2020 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
д. и. н.

О. И. Тогоева

Актуальность темы. Предлагаемое исследование затрагивает три взаимосвязанные темы, весьма значимые для современной исторической науки: традиции имянаречения, проблематику конфессионализации и историю немецкой владетельной знати XVI–XVII вв. Каждая из них обладает самостоятельной научной ценностью. При этом проблематика имянаречения, прежде всего с точки зрения «микроистории» и исторической антропологии, словно бы опосредует и связывает воедино два других аспекта. Именно поэтому она представляет особый интерес. В какой мере конфессиональные процессы модифицировали или даже вовсе покончили с предшествующей практикой имянаречения в рядах высшей и низшей знати Священной Римской империи, особенно в той части правящего сословия, которая первой откликнулась на религиозные новации начала XVI в.? Каков был характер перемен и итоговая картина спустя век после введения Реформации? В какой мере они отражали социальную практику разных групп дворянства? Эти вопросы требуют своего ответа.

Реформация и Конфессиональная эпоха, ставшие важнейшим рубежом в судьбах немецкого общества, вызвали к жизни процессы, существенно повлиявшие на его последующие трансформации. В настоящее время под влиянием популярности междисциплинарного подхода во всех сферах науки, включая гуманитарные дисциплины, интерес к этому периоду заметно сместился от социально-политического дискурса середины минувшего века в сторону более широкой социокультурной тематики. Речь идет о своеобразном погружении «макро- и микроистории» в контекст исторической антропологии, задачи которой были сформулированы на исходе XX в. В фокусе внимания исследователей оказался целый ряд проблем, до последнего времени либо вовсе выпадавших из их поля зрения, либо рассматривавшихся исключительно в координатах традиционной истории институтов. Предложенная еще в 70-е гг. XX в. Вольфгангом Райнхардом и Хайнцем Шиллингом концепция конфессионализации,¹ под которой подразуме-

¹ См., например: *Reinhard W. Gegenreformation als Modernisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionellen Zeitalters // Archiv für Reformationsgeschichte. 1977. Bd. 68. S. 226–251; Die reformierte Konfessionalisierung in Deutschland – Das Problem der «Zweiter Reformation». Wissenschaftliches Symposium des Vereins für Reformationsgeschichte 1985 / Hrsg. H. Schilling. Gütersloh, 1986; Schilling H. Aufbruch und Krise. Deutschland 1517–1648. Berlin, 1998. О многочисленных ранних работах исследователей см. в обзоре: *Schmidt H. R. Konfessionalisierung im 16. Jahrhundert. München, 1992. Учитывая значение конфессионального фактора, в своей работе мы используем термин Конфесси-**

вается «феномен срастания лютеранства, кальвинизма и тридентского католицизма с сословным обществом», т. е. «всеобщее и многоплановое воздействие религиозных движений, вызванных Реформацией, на все стороны общественной жизни»,² стала своеобразным инструментом интеграции различных векторов исследования. Но и она, скорее, предлагает парадигму, а не цельное суждение по обширному спектру вопросов. Значительные лакуны в изучении истории немецких земель в период раннего Нового времени, которые были выявлены благодаря исторической антропологии, до сих пор остаются незаполненными. Одной из них является практика имянаречения в отдельных социальных группах, и в частности, у высшей и низшей знати, представляющей особый интерес в силу того, что именно она обладала реальными политическими и экономическими ресурсами и потому была ключевым актором этой эпохи.

Объектом диссертационного исследования является дворянство Священной Римской империи в его региональном срезе: имперские княжеские дома Веттинов, Вюртембергов, бранденбургских Гогенцоллернов и рыцарские ленники курфюрстов Саксонии – семейства Шенберг, Шляйниц, Бюнау и Пфлуг.

Предмет исследования – репертуар имен (ономастикон), традиции и способы имянаречения у высшей и низшей знати протестантской Германии в XVI–XVII вв. на материале династий дрезденских курфюрстов из Дома альбертинских Веттинов (включая династические анклавные после 1656 г. и до конца XVII в.), герцогов Вюртемберга (в том числе династические анклавные после 1617 г.) и бранденбургских Гогенцоллернов, а также четырех указанных рыцарских семейств, в раннее Новое время находившихся в ленной зависимости от саксонских курфюрстов и формировавших ядро рыцарской знати.

Хронологические рамки исследования охватывают период, нижней границей которого является введение Реформации в наследственных землях саксонских Веттинов (1525–1555), а верхней – конец

ональная эпоха для обозначения XVI–XVII вв. применительно прежде всего к немецким землям.

² Прокопьев А. Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585–1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011. С. 30. Здесь же на с. 30–33 конфессионализация анализируется как историческая категория в свете концепции Шиллинга, а в прим. 32 приводится литература по основным направлениям ее исследования. См. также: Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время. Доклады русско-немецкой научной конференции 14–16 ноября 2000 г. / Под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., 2004.

XVII в. Такой выбор мотивирован прежде всего ролью Веттинов, герцогов Вюртемберга и бранденбургских Гогенцоллернов как признанных лидеров евангелических сословий Священной Римской империи в указанный период, что позволяет рассматривать традиции имянаречения при названных дворах в сравнительной перспективе. Это же относится и к дворянским ленникам дрезденских курфюрстов, которые сформировали, по существу, первый в истории немецких земель протестантский рыцарский ландшафт. Кроме того, избранные рамки обусловлены историко-генерационным подходом: во второй половине XVII в. заканчивался жизненный цикл 3–4 поколений представителей семейств, принявших евангельскую веру к середине XVI столетия. Однако полноценный анализ этого синхронного среза невозможен без описания «стартовой площадки» – сложившихся на начало Конфессиональной эпохи традиций имянаречения указанных родов. Поэтому глава 1 посвящена рассмотрению особенностей практики имянаречения и становлению их фамильных именников в более раннюю историческую эпоху (XI–XV вв.).

Территориальные рамки исследования включают курфюршества и наследственные земли альбертинских Веттинов, бранденбургских Гогенцоллернов и герцогов Вюртембергских.

Цель диссертационной работы состоит в анализе практики имянаречения немецкой протестантской знати в XVI–XVII вв., в том числе для того, чтобы ответить на вопрос: является ли этот исторический период самостоятельным этапом в эволюции принципов, лежащих в основе выбора имени, и самих способов поименования?

Исходя из поставленной цели, сформулированы конкретные исследовательские **задачи**:

1. Рассмотреть проблему имянаречения немецкой протестантской знати в XVI–XVII вв. в контексте актуальных научных направлений.

2. Определить корпус фамильных ономастиконов и пути его формирования в эпоху Позднего Средневековья.

3. Выявить степень преемственности в имянаречении периода конфессионализации по отношению к предшествующей традиции путем:

а) анализа тенденций имянаречения у низшей знати на примере четырех родов (Шенберги, Шляйницы, Бюнау и Пфлуги) из числа ленников курфюрстов Саксонии в XVI–XVII вв.

б) анализа тенденций имянаречения у высшей знати на примере трех родов (Веттины, Вюртемберги и Гогенцоллерны) в XVI–XVII вв.

4. Сопоставив данные об ономастиконах низшей и высшей знати, определить, существовали ли принципиальные отличия в практике имянаречения на разных ступенях сословной иерархии.

5. Выявить этимологические предпочтения и связанные с ними новые тенденции в репертуаре имен всех вышеназванных родов, проявившиеся под влиянием Реформации в условиях формирования профессионального общества.

Теоретико-методологическая база исследования предполагает комбинацию следующих научных методов: сравнительно-исторического, позволяющего сопоставить тенденции имянаречения у указанных родов; просопографического, дающего возможность реконструировать генеалогии и биографии высшей и низшей знати; статистического, который используется для анализа репертуара имен. Кроме того, характер работы требует соблюдения принципов научной объективности.

Степень изученности проблемы. Проблема имянаречения попала в фокус медиевистики сравнительно недавно. Лишь за последние сорок лет из вспомогательной исторической дисциплины ономастика, и прежде всего антропонимика, т. е. наука об *имени собственном*, превратилась в один из узловых пунктов пересечения целого ряда научных направлений в междисциплинарных исследованиях, оказавшись в поле зрения религиоведения, этнографии, социологии, демографии и т. д. Ранее на протяжении, как минимум, полутора столетий она плодотворно развивалась в рамках другой гуманитарной науки – лингвистики, которая сформировала собственную теоретическую базу, опираясь на опыт философии и риторики. Однако историческая ономастика заняла особую нишу в общей проблематике имени. Объектом штудий стали здесь *традиции и способы имянаречения*.

Обретением самостоятельности историческая ономастика во многом обязана *социальной истории*,³ благодаря которой и сформировался ее специфический предмет исследования. Одновременно с изучением глобальных исторических процессов в рамках так называемой «микро-

³ Толчком к становлению этой дисциплины послужил коренной перелом, который произошел в конце 1920-х гг., когда появилась школа «Анналов» («Новая историческая наука»). В настоящее время труды ведущих «анналистов» разных поколений (М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби) опубликованы в авторитетных переводах на русском языке. См. также: «Анналы» на рубеже веков: Антология / Отв. ред А. Я. Гуревич; сост. С. И. Лучицкая / Пер. с фр. М., 2002.

истории» (Карло Гинзбург, Джованни Леви и др.)⁴ объектом внимания оказались локальные явления социальной жизни, прежде всего такие, как малая (нуклеарная) семья.⁵ Именно интерес к конкретной семье, которая в своем историческом бытии является частью рода, звеном в непрерывной цепи поколений, вывел исследователей на вопросы имянаречения. В немецкой историографии это направление возглавил Юрген Шлюмбом, специализирующийся на периоде с XVII по XIX в.⁶ Однако, учитывая отчетливый медиевистский вектор сторонников школы «Анналов», не удивительно, что многие из посвященных данной теме работ сосредоточены на средневековом материале.

Яркий пример обращения к этой проблематике – исследования профессора Венского университета Михаэля Миттерауэра. Труды самого австрийского медиевиста и его учеников можно условно отнести к «венской школе», специализирующейся на изучении биографии и семейной истории методами «микроистории». Две монографии Миттерауэра «Предки и святые: Имянаречение в европейской истории» и «Традиции имянаречения: ономастика как междисциплинарная область исследований»⁷ занимают особое место среди новейших работ, посвященных средневековой европейской (в том числе немецкой) антропонимике.

Мысль о том, что имя является индикатором исторических процессов,⁸ служит Миттерауэру отправной точкой для сравнительного анализа разных систем имянаречения в Средние века. В первой из выше-

⁴ Об этом направлении см., например: *Ginzburg C., Poni C. Was ist Mikrogeschichte? // Geschichtswerkstatt. 1985. № 6. S. 48–52; Ginzburg C. Mikro-Historie. Zwei oder drei Dinge, die ich von ihr weiss // Historische Anthropologie. Kultur – Gesellschaft – Alltag. 1993. Bd. 1. S. 169–192; Levi G. On Microhistory // New Perspectives on Historical Writing / Hrsg. P. Burke. Oxford, 1991. P. 93–113.*

⁵ Образцы такого подхода к проблеме династии в широком смысле см., например: *Семья, дом и узы родства в истории / Под общей ред. Т. Зоколлы, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбома. СПб., 2004.*

⁶ Среди его многочисленных трудов отметим два: *Schlumbohm J. 1) Kinderstuben. Wie Kinder zu Bauern, Bürgern, Aristokraten wurden, 1700–1850. München, 1983; 2) Lebensläufe, Familien, Höfe. Die Bauern und Heuerleute des Osnabrückischen Kirchspiels Belm in proto-industrieller Zeit, 1650–1860. Göttingen, 1994 (2. Aufl. – 1997).*

⁷ *Mitterauer M. 1) Ahnen und Heilige: Namengebung in der europäischen Geschichte. München: C. H. Beck, 1993. 516 S.; 2) Traditionen der Namengebung: Namenkunde als interdisziplinäres Forschungsgebiet. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2011. 258 S.*

⁸ *Mitterauer M. Ahnen und Heilige: Namensgebung in der europäischen Geschichte. S. 14.*

названных книг это коллизия архаичного способа поименования в честь предков («наследуемые имена») и нового – в честь святых («имена заступников», или «предлагаемые пасторами»). Как подчеркивает исследователь, согласно ранним документальным свидетельствам, эти принципы «находились в отчетливых конкурентных отношениях – как в рамках церковной доктрины, так и в повседневной жизни», что стало «одним из лейтмотивов в истории христианско-европейского имянаречения от Поздней Античности до современности».⁹ Кроме того, Миттерауэр анализирует: а) *еврейскую традицию*, из которой происходит большая часть христианских имен; б) *греческую*, в рамках которой развивается культ героев как зачаточная форма более позднего именованья в честь святых; в) *римскую*, где почитание предков особенно ярко выразилось в имянаречении. По его мнению, их следует рассматривать в противопоставлении друг другу.¹⁰ Отдельные главы посвящены византийской, а также другим христианским (некатолическим) традициям поименования. На большом фактическом материале, в том числе с помощью статистических выкладок, Миттерауэр доказывает, что в Позднее Средневековье имянаречение в честь святых прочно утвердилось в фамильном ономастиконе, заметно потеснив родовые имена. Более того, несмотря на реформационные гонения раннего Нового времени, его влияние на выбор имени новорожденному лишь упрочилось, так как в ходе Контрреформации римско-католическая церковь объявила этот способ обязательным для своих приверженцев. Поэтому, по мнению ученого, даже в протестантских странах Европы он продолжает доминировать вплоть до настоящего времени.¹¹ К сожалению, период Реформации остался за пределами исследования Миттерауэра. Однако его наблюдения относительно устойчивости позднесредневековой тенденции передавать имя от крестного крестнику и зарождения моды на «двойные»/«тройные» имена¹² актуальны и для этой эпохи.

⁹ Ibid. S. 16.

¹⁰ Ibid. S. 15–17.

¹¹ Ibid. S. 241–242.

¹² Ibid. Ср. также статью Ф. Б. Успенского о проблеме двуименности в интересующую нас эпоху на русском материале: *Успенский Ф. Б. Христианская двуименность на Руси в XIV–XVI веках. Догадки и закономерности // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции. Москва, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017. С. 41–44.*

Вторая монография Миттерауэра «Традиции имянаречения: ономастика как междисциплинарная область исследований» посвящена проблеме трансформации средневековой системы личных имен в Европе.¹³ В частности, он выделяет следующие аспекты: 1) *наречение по смыслу имени*, когда ребенок получает уникальное имя, в котором выражена формула его последующего жизненного пути, либо «повторное» имя, ориентированное на родовую традицию; 2) *наречение именем умершего предка*, практиковавшееся в европейских королевских домах эпохи Раннего Средневековья, когда сам акт обретения имени ранее правившего князя означал легитимность права на власть его новорожденного потомка; 3) *разнообразные вариации имени* (прежде всего различные производные от имен родителей); 4) на смену этим способам номинации к концу Средних веков приходит *поименование в честь живых членов рода*, как правило, из числа наиболее авторитетных его представителей, а также все большее распространение *крестьянских имен* как основных. Предложенная ученым парадигма, к которой могут быть сведены все прочие классификации, точно описывает структуру средневекового ономастикона. Большинство из перечисленных здесь типов имянаречения, иногда со смещением смыслового акцента, продолжали существовать и в следующую эпоху.

Отмеченной Миттерауэром традицией наречения именем умершего предка у скандинавских конунгов в Средние века много и плодотворно занимался Ф. Б. Успенский.¹⁴ Несмотря на то, что речь идет о гораздо более ранней эпохе с ее архаической верой в магическую силу имени и переселение душ, в редуцированном виде этот комплекс представле-

¹³ Литература вопроса весьма обширна. Среди последних фундаментальных исследований см., например: *Genèse médiévale de l'anthroponymie modern: 5 Bde.* Tours, 1990–2002; *Spieß K.-H.* Familie und Verwandtschaft im deutschen Hochadel des Spätmittelalters, 13. bis Anfang des 16. Jahrhundert. Stuttgart, 1993; *Die Familie in der Gesellschaft des Mittelalters / Hrsg. K.-H. Spieß.* Ostfildern, 2009 (Vorträge und Vorschungen. Bd. 71).

¹⁴ Этой проблеме посвящены следующие труды: *Успенский Ф. Б.* 1) Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001 (пер. на нем. яз. – 2004); 2) Скандинавы – Варяги – Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002. Успенскому принадлежит также обобщающая работа на русском материале «Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики» (М., 2006; в соавторстве с А. Ф. Литвиной). Кроме того, он является ответственным редактором альманаха «Именослов», который издается Институтом славяноведения как «Труды Центра славяно-германских исследований» начиная с 2004 г.

ний был характерен и для саксонской рыцарской знати эпохи Реформации, конечно, с учетом объема ее властных полномочий и политических амбиций.

Обобщающих работ по истории имянаречения в XVI–XVII вв. не существует. А в обращающихся к этой теме немецких исследованиях по исторической ономастике проблема в основном трактуется однозначно: в ходе Реформации произошла революционная смена культурной парадигмы, когда во главу угла были поставлены национальный язык и библейские мотивы, что выразилось в выборе древнегерманских и библейских имен протестантами и имен святых продолжавшими следовать традиции католиками. Эта точка зрения восходит к трудам известного германиста Адольфа Баха, который в своем двухтомнике, посвященном истории немецких имен, охарактеризовал в том числе и ономастические предпочтения Конфессиональной эпохи.¹⁵ В частности, он отметил моду на античные имена, зародившуюся в Германии еще в XV в. (§ 309), указал на интерес протестантов не только к ветхозаветным, но и к древнегерманским именам (§ 315), а католиков – к именам недавно канонизированных святых (§ 316).¹⁶ При этом примеры, которыми Бах подкрепляет свои наблюдения, относятся к разным локасам и, таким образом, не отражают конкретных региональных предпочтений.

Между тем, в зависимости от анализируемого материала, вопрос о конфессиональных различиях при выборе имени в научной литературе интерпретируется по-разному. Так, Рудольф Кляйнодер, посвятивший свою монографию принципам имянаречения в Верхнем Пфальце от Конфессиональной эпохи вплоть до современности, настаивает на том, что, несмотря на разнообразные сопутствующие факторы, выбор имени всегда оставался прерогативой родителей и был результатом их личных убеждений. Этот порядок распространялся на все сословия и главенствовал как в городских общинах, так и при дворах знати. Что же касается конфессиональных различий в предпочтениях того или иного способа поименования, то, как показывает Кляйнодер, у католиков и протестантов данного региона они появились лишь в XVIII в. Таким образом, ни Реформация, ни Контрреформация не оказали здесь непосредственного воздействия на практику имянаречения. Исходя из

¹⁵ См.: *Bach A. Deutsche Namenkunde. Bd. I. T. 2: Die deutschen Personennamen in geschichtlicher, geographischer, soziologischer und psychologischer Betrachtung. 2. Aufl. Heidelberg, 1953. 331 S.*

¹⁶ *Ibid. S. 40–50.*

этого, в своей классификации мотивов выбора имени, исследователь ставит на первое место наречение в честь родителей и только затем в честь крестных и святых.¹⁷ Этой же точки зрения придерживается и Михаэль Симон, который анализирует вестфальский материал. Отметив отказ протестантов от имен святых в пользу библейских и древнегерманских, он все же приходит к выводу, что по-настоящему зримыми отличия в ономастических пристрастиях представителей двух христианских конфессий стали в XVIII в.¹⁸ Напротив, Анна-Мария Бальбах утверждает, что, хотя догматическая дивергенция далеко не всегда влекла за собой мгновенную переориентацию, уже к концу XVI в. в протестантской общине Аугсбурга наметилась устойчивая тенденция использования библейских и новозаветных имен, которая затем постепенно сошла на нет.¹⁹ И делает однозначный вывод о влиянии конфессионального фактора на практику имянаречения в своей следующей работе, написанной на материале баварского и швабского именника раннего Нового времени.²⁰ Еще более радикальное мнение высказывает Ева Аммермюллер, считающая, что различия в крестильном регистре католиков и протестантов полностью стерлись только после Второй мировой войны.²¹

Отдельного внимания заслуживает и другая, едва намеченная Миттерауэром тема роли крестных в имянаречении. Основываясь на городских актах и церковных книгах Верхнего Рейна, ее, в частности, разрабатывает Кристоф Ролькер, который считает эту роль ключевой и не имеющей аналогов за пределами немецкой культурной традиции. Он анализирует трехчастную модель крещения, когда в обряде принимали участие трое крестных, двое из которых принадлежали к семье

¹⁷ Kleinöder R. Konfessionelle Namengebung in der Oberpfalz von der Reformation bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1996. S. 211.

¹⁸ Simon M. Vornamen wozu? Taufe, Patenwahl und Namengebung in Westfalen vom 17. bis zum 20. Jahrhundert. Diss. Münster/Westf., 1988 320 S. (Beiträge zur Volkskultur in Nordwestdeutschland. H. 67).

¹⁹ См. об этом: Balbach A.-M. Jacob, Johann oder Josef? – Frühneuzeitliche Vornamen im Streit der Konfessionen // Konfession und Sprache in der Frühen Neuzeit. Interdisziplinäre Perspektive / Hrsg. J. Macha, A.-M. Balbach, S. Horstkamp. Münster, 2012. S. 27–30.

²⁰ Balbach A.-M. Name – Geschlecht – Individuum. Konfessioneller Einfluss auf die Vornamengebung im frühneuzeitlichen Bayerisch-Schwaben // Beiträge zur Namensforschung. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014. Bd. 49. S. 154.

²¹ Ammermüller E. Konfessionelle Unterschiede in Taufnamen? // Rheinisches Jahrbuch für Volkskunde. 1973. Bd. 21. S. 113.

крестника. Именно последние чаще всего передавали ему свое имя (в том случае если имена родителей уже были «заняты» старшими отпрысками). И тем самым в акте поименования родовое начало соединялось с духовным, догматическим.²² Подобная практика была распространена в Позднее Средневековье, но сохранила свои позиции и в период Реформации. Для нас эти наблюдения исследователя особенно важны, так как с подобным мы сталкиваемся и на саксонском материале.

Другой современный исследователь Фридрих Дебус высказывает оригинальную мысль о том, что зародившийся в XVI в. обычай поименования в честь крестных выступал таким же ограничителем свободы выбора имени у протестантов, как и требование руководствоваться месяцесловом у католиков.²³

В результате многолетних дискуссий о практиках имянаречения Раннего и Высокого Средневековья на рубеже XX–XXI вв. возникли два международных междисциплинарных проекта. Первый из них «Имя и род» («*Nomen et Gens*») осуществила группа специалистов по античности, медиевистов и лингвистов. В их задачу входило создание полной базы данных личных латино-германских имен III–VIII вв. с указанием всех известных источников. По материалам этого проекта был опубликован одноименный сборник, куда, среди прочего, вошла обзорная статья Герда Альтхоффа, посвященная феномену имянаречения знати.²⁴ Второй проект – серия франко-американских конференций, организованных американским медиевистом Джорджем Бичем и одной из ведущих представительниц так называемой «турской груп-

²² *Rolker Chr.* Patenschaft und Namengebung im späten Mittelalter // *Konkurrierende Zugehörigkeiten. Praktiken der Namengebung im europäischen Vergleich* / Hrsg. von Chr. Rolker, G. Signori. Konstanz, 2011. S. 28–35. Критическую оценку идей Ролькера см.: *Прокопьев А. Ю.* Конфессия и имя: мужские имена немецкой протестантской знати XVI–XVII вв. // *Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии* / Под ред. А. М. Прилуцкого. СПб., 2014. Вып. 3. С. 206.

²³ *Debus F.* *Namenkunde und Namensgeschichte. Eine Einführung.* Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2012. S. 89 (Grundlagen der Germanistik. Bd. 51).

²⁴ *Althoff G.* *Namengebung und adliges Selbstverständnis // Nomen et gens. Zur historischen Aussagekraft frühmittelalterlicher Personennamen* / Hrsg. von D. Geuenich, W. Haubrichs, J. Jarnut. Berlin; New York, 1997. S. 127–139 (Ergänzungsbände zum Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd. 16).

пы» Моник Бурен.²⁵ Результатом этих встреч стал еще один сборник «Персональные имена».²⁶

Особого внимания заслуживают статьи московского историка П. Ш. Габдрахманова, занимающегося антропонимикой средневековой Фландрии.²⁷ Его точка зрения на «антропонимическую революцию» (или «эволюцию», так как процесс, чей пик пришелся на XII в., в реальности растянулся во времени и занял период с X по XIII в.), когда произошло резкое сужение ономастического репертуара и зародилась мода на конкретные имена, явно коррелирует с позицией французских коллег.

В целом же на разном материале международная группа историков приходит к близким выводам относительно этимологического репертуара, а также гендерной стратификации имен и самих способов именования в средневековой Европе, фактически ограничиваясь рамками данного региона и, за исключением экскурсов в библеистику, не проводя никаких сравнительных параллелей с иными локациями. Перечень этих способов может быть выстроен в общую парадигму. Однако существенным для нас становится то, что все вышеназванные исследо-

²⁵ В числе приоритетов группы разработка проблематики «антропонимической революции» XII в. в рамках научного проекта «Средневековый генезис современной антропонимии». См., например, многотомное издание: *Genèse médiévale de l'anthroponymie modern.* Т. I / *Sous la dir. de M. Bourin.* Tours, 1990, et al. Подробнее об этом см.: *Габдрахманов П. Ш.* «Макро» и «микро» в современных историко-антропонимических исследованиях // Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого / Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 1999. С. 133–143.

²⁶ *Personal Names: Studies of Medieval Europe. Social Identity and Familial Structures* / Ed. by G. T. Beech, M. Bourin and P. Chareille. Kalamazoo, 2002. См. также рецензию на это издание И. С. Филиппова: *Средние века.* 2004. Вып. 65. С. 368–372.

²⁷ *Габдрахманов П. Ш.* 1) Имя и счастье в средневековой Фландрии // *Казус: Индивидуальное и уникальное в истории – 2002* / Под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова. М., 2002. С. 26–44; 2) Выбор имени в средневековой Фландрии (некоторые предварительные итоги) // *Именослов. Заметки по исторической семантике имен.* М., 2003. С. 201–208; 3) Какими именами нарекали детей в Средние века: случай Фландрии // *Журнальный клуб Интелрос «Неприкосновенный запас»* № 2, 2008. URL: http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_58/2406-kakimi-imenami-narekali-detejj-v.html (дата обращения 31.03.2019); 4) XII век в «антропонимической революции» на территории средневековой Фландрии // *Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени.* М., 2013. Вып. 74 (3/4). С. 78–89.

ватели, кроме Кляйнодера и отчасти Миттерауэра и Шписса, сосредоточены на Раннем и Высоком Средневековье. Конфессиональная эпоха, с данной точки зрения, остается terra incognita. В настоящее время отдельным региональным сюжетам в этот исторический период посвящены лишь статьи Кляйнодера, Симона и Прокопьева. Более того, только последний пишет в своей работе о высшем дворянстве. Все прочие авторы, помимо тех, кто обращается к эпохе Каролингов, делают объектом своего исследования низшие сословия (жителей городов и крестьян). Но и Прокопьев анализирует только мужские имена отпрысков герцогов Вюртемберга и курфюрстов Саксонии, не касаясь женской половины.

Источниковую базу исследования составляют следующие группы источников:

1. ономастиконы и календари начального периода Реформации, содержащие конфессионально ориентированные интерпретации имен.

2. опубликованный и неопубликованный документальный материал из семейных и придворных архивов герцогов Вюртембергских, саксонских Веттинов и бранденбургских Гогенцоллернов: частная переписка, содержащая указания на рождение, крестины, смерть и погребение членов правящего Дома, а также дневниковые записи соответствующей тематики; архивы гофмаршальской службы, включая регистрационные протоколы крестин и погребений представителей династии и придворной знати; официальная корреспонденция о рождении и кончине; черновые списки крестных и иные подготовительные материалы, из которых можно узнать, в честь кого были названы крестники (все вышеперечисленные источники обильно цитируются в аутентичной Конфессиональной эпохе литературе и современных научных исследованиях).

3. духовно-мемориальная литература, посвященная представителям высшей и низшей знати, в первую очередь надгробные проповеди, позволяющие выяснить не только биографию умершего, но и мотивы, которыми руководствовались его родители при выборе имени, а также эпитафии и эпитафика в составе заупокойной мемории, распространенной в восточных и южных землях Германии (Саксония, Вюртемберг, Бранденбург) в XVI–XVII вв. и восходящей к евангелическому конфессиональному «канону» (геральдические знаки на надгробных плитах и саркофагах, в заставках эпитафий); регистры погребенных в поместных усыпальницах и при городских храмах представителей двух вышеназванных групп немецкого дворянства.

4. корпус опубликованных источников по истории саксонских земель (Codex diplomaticus Saxoniae regiae), куда включены акты, содержащие сведения о представителях как высшей, так и низшей знати, поскольку последние присутствовали на заседаниях совета курфюрста, были свидетелями в судебных процессах, визировали купчие на землю и т. д.; документы, относящиеся к истории знатных фамилий Саксонии, в том числе сосредоточенные в 4-томном труде Рихарда Мансберга «Erbarenschaft Wettinischer Lande» (1903–1908), который является ценным источником для реконструкции их генеалогии.

5. родовые уложения, включая семейные акты Бюнау и Шенбергов.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые в отечественной историографии предпринята попытка проанализировать тенденции имянаречения в среде протестантской высшей и низшей знати и сопоставить их между собой. Кроме того, в проблематику имени был включен гендерный аспект, прежде всего ранее не попадавший в поле зрения исследователей женский именник представителей этих сословных страт. Сопоставление по признаку половой принадлежности номинантов выявило разную динамику и направленность изменений в репертуарах мужских и женских имен. Мы попытаемся доказать, что, несмотря на развернувшуюся в XVI–XVII вв. острую межконфессиональную борьбу и, как следствие, включенность современников в религиозные споры и политические баталии, семейно-родовое начало продолжало играть ведущую роль при выборе имени. Однако прагматика фамильной целесообразности этого выбора все чаще подвергалась воздействию новых интеллектуальных веяний эпохи Возрождения и Реформации, следствием чего стала мода на так называемые ренессансные и библейские имена, а также на порожденные интересом к античности двойные и тройные имена. При этом под «ренессансными» мы подразумеваем имена, восходящие к историческим и мифологическим персонам Древней Греции и Древнего Рима, а под «библейскими» – древнееврейские и древнегреческие по своей этимологии имена пророков и других действующих лиц Библии. Все они активно внедрялись в ономастикону исследуемых нами социальных групп, не вытесняя при этом родовых имен. И мы впервые смогли привести аргументы в пользу этого тезиса, проанализировав качество репертуара имен на основе соответствующей статистики.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Основным способом имянаречения в среде саксонского рыцарства и высшей знати в XVI–XVII вв. является поименование в честь

ближайших кровных родственников (дедушек и бабушек, отцов и матерей, дядей и тетей), которые одновременно могут быть крестными номинанта (конечно, за исключением родителей).

2. В Конфессиональную эпоху происходит постепенный отказ от архаичной традиции наречения в память об умерших предках в пользу ныне живущих членов рода. При этом консолидирующую функцию выполняют родовые имена, передающиеся из поколения в поколение на протяжении длительного времени.

3. Векторы изменений в мужском и женском ономастиконах не совпадают. Это определяется разными гендерными ролями номинантов мужского и женского пола в структуре социума, диктующими им заранее установленный тип социального поведения как внутри семьи, так и за ее пределами. Вступая в брак, женщина переходила в фамильную «юрисдикцию» мужа. Поэтому женский именной в большей степени свободен от уз родовой традиции и открыт влиянию интеллектуальной моды своего времени, например, на античные и библейские, а позднее и на французские имена. Тогда как мужской в силу необходимости обеспечивать непрерывность существования и процветания рода более консервативный и ориентирован на родовые имена преимущественно германского происхождения.

4. Главную роль в гендерной стратификации играют смысл имени и его связь с определенной культурной и исторической традицией. Самых способов поименования подобное различие не касается. Поэтому ренессансная мода на двойные и тройные имена в равной степени распространяется как на мужчин, так и на женщин.

5. Относительно названных способов имянаречения саксонское рыцарство и высшая знать демонстрируют полную сословную солидарность и общность тенденций.

6. Вместе с тем они заметно расходятся в пункте о поименовании в честь крестных (особенно у мужчин). Высшая знать активно использует этот способ имянаречения как инструмент для извлечения политических дивидендов из факта установления некровного родства с влиятельными лицами, сулящего разнообразные властные предпочтения. Напротив, рыцарство ориентируется прежде всего на репертуар имен своих предков, в основном отстоящих от номинанта не более чем на 2–3 поколения, и ближайших родственников, в первую очередь, по отцовской, и лишь во вторую, по материнской линии. Из их круга нередко рекрутируются и крестные.

7. Главенство отцовской линии при номинации актуально как для высшей, так и для низшей знати. Это правило действует даже тогда,

когда в родстве с материнской стороны есть императоры Священной Римской империи. Вместе с тем ряд имен, ставших впоследствии родовыми, попал в ономастикон той или иной фамилии из семейного именника матери.

8. Одной из ярких особенностей имянаречения Конфессиональной эпохи является очередность передачи имени отца и матери своим детям. Как в рыцарских семьях, так и у высшей знати именами родителей чаще нарекаются не первенцы из числа сыновей и дочерей, а следующие по старшинству отпрыски. Для рыцарских родов это можно отчасти объяснить распространенностью практики совместного владения леном, и следовательно, отсутствием вытекающих из факта первородства прерогатив в порядке наследования титула, земель и прочего имущества. Для высшей знати – инерцией прежней традиции, когда последовательность поименования в пределах одного поколения стремилась в идеале воспроизвести всю предшествующую цепочку генераций.

9. Ограниченность круга родовых имен делала ономастикон крайне тавтологичным. Одни и те же имена повторялись не только из поколения в поколение, но и в рамках одного поколения. Зачастую ими назывались одновременно живущие родные братья, что вносит немалую путаницу в их жизнеописания и ставит под сомнение достоверность относящихся к ним фактов. Предельным случаем в этом ряду следует признать практику имянаречения мужской половины мейссенского рыцарского рода Бюнау, в котором на протяжении всего периода существования начиная с XII в. вплоть до наших дней используются лишь три имени – Рудольф, Генрих и Гюнтер, что позволяет нам отнести этот способ поименования к *монономинативному типу*. Высшая знать предпочитала разрешать проблему с помощью индивидуальных прозвищ (когноменов). В рыцарских семьях, помимо очевидного деления на «старших» и «младших», практиковались также вариации имен (например, Иоганн – Ганс – Ян).

10. Несмотря на церковные предписания и максимальную вовлеченность анализируемых династий в социально-политические коллизии Конфессиональной эпохи, как и в предшествующий период, в их фамильных ономастиконах продолжают доминировать родовые имена.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при написании научных и обобщающих работ междисциплинарного характера, чтении лекционных курсов по истории Германии XVI–XVII вв., а также при подготовке специальных

курсов, посвященных проблемам ономастики в Конфессиональную эпоху.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту научной специальности 07.00.03 – всеобщая история, и, в частности, следующим областям исследования: п. 4. История раннего Нового времени (в ее составе Ренессанс и Реформация); п. 12. Социальная история. История социальных процессов, институтов, структур. Динамика исторической социальности. Социум и человек; п. 13. Власть в истории. История государства и его институтов. Государство и общество. Сфера политики и политических отношений. История политической культуры. Государство, политика и человек; п. 19. Личность в истории. Персоналии; п. 22. История религии и церкви.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования были представлены к обсуждению на Всероссийских межвузовских конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (2012–2013, 2016 гг.), научных чтениях в Библиотеке РАН «Мария Сибилла Мериан (1647–1717 гг.) и ее время» (2017 г.) и семинаре по истории редкой и старопечатной книги к юбилею Е. А. Савельевой (2017 г.), а также на международной научно-практической конференции «Библиотека Российской академии наук: 300 лет служения читателю» (2018 г.) и на международной научной конференции к 100-летию Научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) РГБ (2018 г.). Основные результаты исследования нашли отражение в 8 публикациях (список представлен в конце автореферата), 4 из них – в журналах, включенных ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, и в Перечень российских рецензируемых журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций. Общий объем публикаций 5,3 п. л.

Структура работы выстроена по проблемному принципу. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка сокращений, списка таблиц, списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, характеризуется степень изученности проблемы и источниковая база для ее дальнейшего освоения, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, обозначаются методологически важные для дан-

ной работы положения, а также ее научная новизна и практическая значимость.

Глава 1 «Выбор имени на исходе Средних веков: традиции и новации» посвящена истории формирования репертуара личных имен и практике имянаречения четырех семей из числа представителей саксонского дворянства (Шенбергов, Шляйницев, Бюнау, Пфлугов), а также ряда владетельных Домов восточной и юго-западной Германии (Веттинов, Вюртембергов, Гогенцоллернов) в дореформационный период.

Зарождение знати как самостоятельной социальной группы сопровождалось возникновением в недрах каждого дворянского рода оригинального именника, с помощью которого маркировалась не только собственно фамильная принадлежность номинанта, но и законность проистекающих из данного факта его притязаний на определенные сословные преференции. Одновременно происходило становление института родовых имен, призванных обозначить и утвердить связь между разными поколениями. Чтобы установить, носили названные процессы локальный или общесословный характер, для сравнительного анализа привлечены две наиболее выразительные подгруппы: четыре рода из верхней страты саксонского рыцарского дворянства и их сюзерены – маркграфы и курфюрсты Саксонии, а также правители Швабии и Бранденбурга. Последние рассматриваются лишь с XV в., так как именно в это время они пришли к власти. Однако основное внимание мы уделяем именно рыцарским семьям, поскольку, в отличие от высшей знати, частная сторона их жизни не была столь же публичной и в гораздо меньшей степени документировалась, а потому и практика имянаречения этого сословия до сих пор остается наименее изученной. Ей и посвящен **первый параграф «Рыцарские ленники курфюрстов Саксонии»**. **Второй параграф «Имперские княжеские дома»** включает в себя анализ основных ономастических тенденций, и прежде всего способов поименования, характерных для представительниц верхней ступени сословной иерархии в названную эпоху.

В результате мы приходим к выводу, что, наряду со многими другими социальными практиками в среде рыцарства и высшей знати, выбор имен для новых членов рода определялся в первую очередь династическими интересами, а также семейными традициями, которые складывались в процессе его становления и, среди прочего, отражались в именнике. Начиная с XV в. во всех рассматриваемых ономастических группах появляются античные и библейские имена как результат интереса эпохи Ренессанса к этим периодам в истории человечества. Однако

они не вытесняют родовые имена из фамильного обихода. У всех без исключения анализируемых знатных родов прослеживается преобладание мужских германских имен над остальными. Напротив, женский именник демонстрирует обратную ситуацию. Традиционные на всем европейском пространстве общехристианские имена библейского и греческого извода (Анна, Элизабет, Маргарета, Магдалена и др.) встречаются здесь чаще, чем собственно германские, которые можно назвать редкими в репертуаре женской половины. Перечисленные тенденции получили дальнейшее развитие на следующем историческом этапе.

В Главе 2 «Практика имянаречения в Конфессиональную эпоху: рыцарские ленники курфюрстов Саксонии» анализируются традиции и способы поименования у Шенбергов, Шляйницев, Бюнау и Пфлугов в XVI–XVII вв. Эти четыре рода выбраны нами не случайно. Еще в конце XVI в. пастор и публицист Ц. Шпангенберг в своем труде «Дворянское зеркало» отнес их к так называемым «четырем столпам» саксонского рыцарства,²⁸ а затем эту идею подхватили составители хроник и регистров, военные историки и генеалоги.²⁹ В результате за три прошедших столетия из красивой метафоры она превратилась в исторический факт и обрела право на существование в научном поле. Из современных исследователей ее сторонником считается Ф. Гёзе.³⁰

Действительно, представители всех четырех семейств – Шенберг, Шляйниц, Бюнау и Пфлуг – пользовались исключительным расположением своих сюзеренов. Они занимали епископские и архиепископские кафедры, находились рядом с курфюрстами во время крестовых походов, входили в курфюршеские советы, а некоторые даже играли

²⁸ *Spangenberg C. Adels-Spiegel. Schmalkalden, 1591. T. 1. S. 172.*

²⁹ В частности, об этом писали Л. Пеккенштейн, М. Негель фон Витшталь, Г. Кнаут, В. Кёниг, И. Гаухе и Г. Кнешке. См.: *Peccenstein L. Theatrum Saxonicum. Jehna: Steinman, 1608. S. 37; Nehel von Witstahl M. Chronographia decennialis. [S. l.] 1642; Knauth H. Missniae prodromus. Leipzig, 1682; König V. Adelchistorie Chursächsicher und angrenzender Lande. Leipzig, 1729. Bd. 2. S. 219; Gauhe J. Des heiligen Römischen Reichs Adels-Lexicon. Leipzig, 1719. T. 1; Kneschke E. H. Neues allgemeines deutsches Adels-Lexicon: In 9. Bde., Leipzig, 1868. Bd. 8. S. 195.*

³⁰ См.: *Göse F. Zwischen «Ständestaat» und «Absolutismus». Zur Geschichte des kursächsischen Adels im 17. Jahrhundert unter besonderer Berücksichtigung des Verhältnisses zwischen Ständetum und Landesherrschaft // Geschichte des Sächsischen Adels / Hrsg. von K. Keller, J. Matzerath et al. Köln; Weimar, 1997. S. 139–160.* Кроме того, библиографию вопроса о «четырех столпах» см.: *Прокопьев А. Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585–1656). С. 473–474.*

определенную роль на международной арене, как, например, Каспар фон Шенберг, который состоял на службе у французских королей и основал отдельную ветвь Шенау-Нантёй Дома Шенберг во Франции. Однако аналогичное положение в Саксонии и за ее пределами занимали также их соседи и брачные партнеры – Айнзидели, Хаугвицы, Мильтицы, Штаршедели и др. Но лишь эти четыре рода удостоились особого наименования в анналах. Это позволяет нам с полным правом выделить их в самостоятельную группу из ряда других благородных мейссенских семей, чтобы локализовать объект исследования. Соответствующий раздел предыдущей главы посвящен более раннему времени, когда в процессе становления у каждого из этих четырех родов складывался оригинальный фамильный репертуар имен. А в настоящей главе на их примере мы рассматриваем особенности имянаречения в Саксонии в XVI–XVII вв.

Первый параграф посвящен **рыцарскому семейству Шенберг**. В именнике этого рода в данную эпоху мы наблюдаем появление большого количества двойных имен, что является характерной особенностью того времени. Есть даже пока еще редкие случаи употребления тройных имен (например, Ганс Каспар Хаубольд, Эрмута Ева Доротея). Тогда же значительно увеличивается количество библейских и античных имен, что объясняется господством ренессансной традиции. Но, главное, несмотря на переходный характер Конфессиональной эпохи, когда происходит слом прежней культурной парадигмы, родовые имена продолжают играть ключевую роль в ономастике Шенбергов.

Во **втором параграфе** речь идет о специфике имянаречения у **рода Шляйниц**. Особенностью его именника в это время является большое разнообразие. Причиной тому, среди прочего, служит значительный территориальный разброс фамильных владений семьи, в том числе образование самостоятельной Богемской ветви, представители которой предпочитали украшать свой ономастикон именами славянского происхождения, иногда смешивая их с германскими, – Ладислав, Богуслав, Вольф Ладислав. Кроме того, как и Шенберги, в XVI–XVII вв. Шляйницы все чаще делают выбор в пользу античных и библейских имен. И здесь они остаются верны установке на широту репертуара. Так, среди используемых Шляйницами библейских имен – Абрахам, Иоахим, Габриэль, Йобст, Симон Иуда, Мария, Магдалена, Марта, Эстер, Юдит. Причем и женщины, и мужчины наделяются ими в равной степени. Помимо этого, мы сталкиваемся сразу с двумя случаями, когда сына и дочь называют Адамом и Евой. Такая попытка выстроить

«ономастический сюжет», безусловно, продиктована барочным пристрастием к эмблематизации смыслов, в том числе и религиозных идей.

Еще один важный аспект практики имянаречения саксонского рыцарства – поименование отпрысков в честь высоких покровителей. У Шляйницев мы обнаруживаем характерный пример подобного рода. Представители линии Скасса служили курфюрстам Саксонии, а также императорам Священной Римской империи. Поэтому в их ономастиконе появляются, скорее всего, полученные от высокородных крестных-императоров имена Максимилиан Рудольф и Карл Кристоф, а также Иоганн Георг, чей владелец, вероятно, был назван в честь саксонского курфюрста. Другой пример подобного рода – сын Дитриха фон Шляйница из линии Зеерхаузен Георг. Это имя свидетельствует о том, что его крестным был герцог Георг, на службе у которого находился отец номинанта.

Однако, вопреки перечисленным новациям, Шляйницы, как и Шенберги, не спешили расставаться со старыми родовыми германскими именами, продолжая употреблять их столь же часто, как и в прежние времена.

В **третьем параграфе** анализируются особенности имянаречения **рода Бюнау**. Если Шляйницы прославились разнообразием имен, то Бюнау, напротив, предпочитали предельную монотонность именика в его мужской части. С XII в. вплоть до наших дней, т. е. на протяжении всей истории семьи, не исключая и Конфессиональную эпоху, они использовали только три имени: Рудольф, Генрих и Гюнтер. Ничто не могло нарушить сложившуюся традицию, уже в начале XVI в. юридически закреплённую в родовом уложении. Даже посредством брачных партий мужские имена из других родов в ономастикон Бюнау не проникали. Во времена религиозного раскола, когда у большинства семейств региона несколько видоизменились предпочтения в области имянаречения (к родовым именам добавились ветхозаветные и античные), общая тенденция не затронула Бюнау, упорно продолжавших употреблять лишь три мужских имени. Мода раннего Нового времени на двойные и тройные имена также не коснулась традиционного именика этого рода. Особо подчеркнем, что в некоторых случаях одно и то же имя передавалось подряд на протяжении сразу трех и более поколений (например, имена Генрих и Рудольф). Не раз мы сталкивались с ситуацией, когда несколько сыновей носят одно и то же имя, и потому в генеалогических таблицах, чтобы избежать путаницы, их обозначают как, например, Рудольф Старший и Рудольф Младший. Возможно, эти

повторы объясняются тем, что старший сын рано умер и младшему досталось его имя, так сказать, «по наследству». Не исключено также, что в некоторых случаях одним и тем же именем называли близнецов, к которым относились как к особому, выделенному из общего родового потока, явлению. Впрочем, еще со времен античности при имянаречении близнецов были приняты не повторы, а вариации какого-либо имени. Однако, скорее всего, и тут Бюнау пошли своим особым путем, исключив из фамильного ономастикона любое, даже частичное разнообразие. Вместе с тем прямо противоположную картину представляет женский именьник Бюнау, напротив, отличающийся разнообразием и в полной мере подверженный всем модным веяниям своего времени.

Четвертый параграф посвящен **семейству Пфлуг**. Мужской ономастикон этого рода не только весьма разнообразен, но и включает в себя ряд имен, ранее не встречавшихся нам в репертуаре других благородных рыцарских семей. Например, античные имена Юлий, Цезарь, Центурий, Иероним, Иннокентий или сокращенные имена Бенно, Там и Дам. В целом же и мужской, и женский именьник Пфлугов меняется в соответствии с магистральными тенденциями своего времени.

Несмотря на обозначенные нами индивидуальные особенности репертуара имен каждого из четырех рыцарских родов, их ономастическая практика имеет общие константы. Так, например, ни Реформация, ни религиозные войны не поколебали институт родовых имен. Они продолжали использоваться в фамильном ономастиконе. Прежними оставались приемы и способы номинации. Однако эта эпоха привнесла в семейный обиход моду на античные имена как ответ духовных поисков Ренессанса. А протестантская традиция добавила к ним библейские.

В Главе 3 « Практика имянаречения в Конфессиональную эпоху: имперские княжеские дома » на примере трех родов (Веттины, Вюртемберги и Гогенцоллерны) рассматриваются тенденции имянаречения у высшей знати в XVI–XVII вв. Все три династии занимали высокое положение в Священной Римской империи, играли важную роль на международной арене, а главное, в числе первых восприняли проповедь Лютера и сделали выбор в пользу протестантизма. Кроме того, они активно взаимодействовали друг с другом. Эти отношения можно проследить в том числе благодаря заключаемым ими между собой брачным союзам, вследствие чего имена из одних родовых ономастиконов попадали в другие и нередко там закреплялись (образцом подобной трансляции может служить двойное имя Иоганн Георг, пришедшее в именьник Веттинов из ономастикона

Гогенцоллернов и впоследствии ставшее там родовым). Как и их подданные, владетельные князья отдавали предпочтение поименованию отпрысков в честь ближайших кровных родственников с обеих сторон. Вместе с тем государственные интересы и международная политика вынуждали их выстраивать более разнообразные, чем традиционные матримониальные отношения, связи с другими династиями. Некоторые источники, в первую очередь надгробные проповеди или, например, актуальная для имянаречения у Веттинов хроника А. Века «Описание и изображение прославленной резиденции и столицы саксонских курфюрстов Дрездена»,³¹ позволяют убедиться, что иногда имя передавалось крестнику от крестного (заметим в скобках, что у одного младенца крестных могло быть несколько). Очевидно, что этот способ поименования нельзя назвать основным. Выбор имени всегда оставался прерогативой родителей, которые, как правило, делали его в пользу кровных, а не духовных родственников. Однако в практике имянаречения встречались и обратные случаи, когда именно благодаря крестным (их знатности, влиятельности и т. п., предвещающих особые предпочтения как самому крестнику, так и его родне) имя закрепляло свои позиции в фамильном ономастиконе.

Особое внимание мы уделили влиянию новых тенденций на практику имянаречения этой сословной группы в XVI–XVII вв. Например, проследили моду на двойные и тройные имена, а также зарождение другой моды на французские (Шарлотта, Луиза, Генриетта и др.) и редкие германские (Готхельф, Готлоб и др.) имена, которые ранее не встречались в фамильных ономастиконах привлеченных к анализу родов и стали популярными повсеместно лишь в эпоху Просвещения, т. е. к концу XVII в.

Первый параграф «Веттины». Анализ материала позволяет сделать вывод, что память о предках, закреплённая в именах потомков, продолжала играть ключевую роль в реальной практике имянаречения этого владетельного рода. Несмотря на смену конфессии, Веттины активно использовали имена своих пращуров, названных в честь католических святых (как, например, это было с многократно востребованным именем Мориц). Таким образом, фамильная традиция ставилась ими выше религиозных баталий того времени.

³¹ Weck A. Der Chur-Fürstlichen Sächsischen weitberuffenen Residenz- und Haupt-Vestung Dresden Beschreib- und Vorstellung. Nürnberg, 1680.

Еще одной яркой особенностью следует признать их готовность пополнять собственный ономастикон, черпая имена из фамильного репертуара своих брачных партнеров. Характерным примером этого может служить имя Иоганн Георг, проникшее в родовый именник благодаря женитьбе Христиана I на дочери бранденбургского курфюрста Иоганна Георга Софии и вскоре ставшее одним из наиболее распространенных имен у Веттинов. Таким традиционным способом они, среди прочего, отдавали дань уважения своей обширной родне, соседям по территориям и братьям по вере. Сказанное относится и к самому имени Христиан, попавшему в ономастикон Веттинов из датского королевского Дома, с которым они состояли в близких родственных отношениях.

Внуки Иоганна Георга I нередко именовались в честь своих крестных. Причем последние, как правило, были одновременно и их близкими родственниками (дедушками или бабушками как с отцовской, так и с материнской стороны). Так одна тенденция в практике имянаречения сочеталась с другой. Этот паритет семейных традиций и династических интересов не нарушался даже в эпоху межконфессиональной борьбы.

Во втором параграфе «Вюртемберги» рассматриваются ономастические предпочтения представителей этого Дома. На протяжении всего периода Реформации в их репертуаре сохранялись родовые имена Эбергард и Ульрих, а значит, продолжала доминировать старая семейно-династическая традиция. Однако подспудно намечалась корректировка общего вектора с поправкой на модные тенденции. Так, в XVI–XVII вв. в ономастикон Вюртембергов все чаще стали проникать ренессансные имена (как, например, Сильвий Нимрод, Манфред и Юлий Пилигрим у отпрысков Юлия Фридриха). Одновременно к новациям в именнике приводили и старые мотивы укрепления власти. Так, обремененный многочисленным потомством Эбергард III (16 декабря 1614 – 2 июля 1674) стремился поднять престиж династии на международной арене и для этого приглашал в крестные своим детям королей Испании, Франции и Швеции. То же происходило и когда Вюртемберги пытались укрепить связи с императорами из Дома Габсбургов. В результате в их фамильном ономастиконе появились такие имена, как Фердинанд, Леопольд, Максимилиан, Альбрехт, которые характерны для католического, а не протестантского мира.³² В целом

³² Подробнее об этом см.: *Прокопьев А. Ю.* Конфессия и имя: мужские имена немецкой протестантской знати XVI–XVII вв. С. 234.

же в практике имянаречения Вюртембергов преобладали семейно-родовое начало и династические интересы.

Третий параграф «Бранденбургские Гогенцоллерны» посвящен характерным для этого рода способам номинации. У Гогенцоллернов, как и в прочих знатных семьях, отпрыски обоего пола именовались прежде всего в честь ближайших родственников. Важно отметить, что имена, которые употреблялись в ранний период – Фридрих, Альбрехт, Элизабет, Маргарета и прочие, сохранили свои позиции в родовом ономастиконе и в XVI–XVII вв. Причем имена Фридрих и Элизабет и вовсе стали наиболее частотными в это время (их получили по 6 номинантов).

Отдельно отметим еще одну характерную черту именика Гогенцоллернов: наличие сразу у нескольких последовательно правящих курфюрстов прозвищ как части имени. Само по себе это не было чем-то экстраординарным, так как прозвища входили в титулатуру многих правителей не только того времени, но также более ранних эпох и сохранялись позднее. Однако здесь прослеживается определенная методичность их использования.

В целом же в своих приемах поименования Гогенцоллерны следовали в общем русле. Так, в XV в. у них, как и у большинства других представителей знати, появились имена, связанные с ренессансными тенденциями в культуре того времени, – Иоахим, Цецилия, Сибилла и др. В XVI–XVII вв. их не обошла стороной другая мода – на двойные имена. Причем мужская половина оказалась подвержена ей даже сильнее, чем женская.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и суммируются основные выводы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Данилов И.А.* Выбор имени в региональном контексте: на материале саксонского рыцарского рода Шляйниц // *Международный научно-исследовательский журнал* (Екатеринбург). 2016. № 09 (51). С. 141–145. (0,6 п. л.)

2. *Данилов И.А.* Традиции имянаречения в рыцарских семьях Мейсенской марки в Конфессиональную эпоху. Феномен рода Бюнау // *Клио* (Санкт-Петербург). 2016. № 9 (117). С. 61–70. (1,1 п. л.)

3. *Данилов И.А.* Nomen est omen. Ономастикон саксонского рыцарского рода Шенберг в эпоху религиозного раскола // Клио (Санкт-Петербург). 2016. № 12 (120). С. 29–34. (0,6 п. л.)

4. *Данилов И.А.* Родовое уложение как образец семейного права в рыцарской среде на пороге раннего Нового времени (фамильные акты Бюнау и Шенбергов) // Клио (Санкт-Петербург). 2019. № 11 (155). С. 64–68. (0,4 п. л.)

Другие публикации:

5. *Данилов И.А.* Династия и имя в позднесредневековой Германии. Графы Нассау // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., 2015. Вып. 12. С. 170–189. (1,2 п. л.)

6. *Данилов И.А.* Практика имянаречения у саксонской рыцарской знати в Конфессиональную эпоху (на примере родов Шенберг, Шляйниц, Бюнау и Пфлуг) // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XXXVI Всероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (12–14 декабря 2016 г.). СПб., 2016. Ч. II. С. 102–115. (0,7 п. л.)

7. *Данилов И.А.* Генеалогия саксонских знатных протестантских родов в трудах немецких ученых XVI–XVII вв. (по материалам НИОРК БАН) // Петербургская библиотечная школа. СПб., 2018. № 2 (62). С. 10–15. (0,3 п. л.)

8. *Данилов И.А.* Саксонские граверы – оформители печатных изданий надгробных проповедей XVII века (по материалам собрания научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Академии наук) // История книжной культуры XV–XX веков. [В 2 ч.]. Ч. 2 = The history of the book culture of the XV–XX centuries. [In 2 pts.]. Pt. 2: к 100-летию научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) РГБ / Российская гос. б-ка, НИО редких книг (Музея книги) РГБ; [отв. ред. и сост. Д.Н. Рамазанова]. М.: Пашков дом, 2018. С. 50–57. (0,4 п. л.)